

УДК 82. 09. 31

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И И.А. ГОНЧАРОВ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)¹

© 2014 Н.Л. Ермолаева

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 30.01.2014

Аннотация: В статье определяются возможные пути сближения творчества драматурга и прозаика, раскрывается общность ряда нравственно-эстетических принципов А.Н. Островского и И.А. Гончарова.

Ключевые слова: эпичность, архетипы, юмор, «естественная нравственность», оптимизм, интерес к культуре героя, специфика религиозности, пушкинская традиция.

Annotation: The article determines the possible ways of comparison of the creative work of the playwright and the prosaic. It reveals the proximity of a number of moral-esthetic principles of A.N. Ostrovsky and I.A. Goncharov.

Key words: epic world-view, archetypes, humour, "natural morality", optimism, interest to the culture of a character, specificity of religiousness, Pushkin's tradition.

Вопрос о творческих связях драматурга А.Н. Островского и прозаика И.А. Гончарова можно считать лишь заявленным в нашем литературоведении. И одна из главных причин для этого – в определённом смысле драматичные отношения между жанрами, органичными для дарования каждого из писателей: справедливо убеждение, что как драме противопоказано повествовательное начало, так и эпосу вредна излишняя драматизация. И всё-таки исследователи, обращавшиеся к этой проблеме (А.И. Журавлёва [См.: 5], М.В. Отрадин², В.Н. Криволапов [8, 80–91]), единодушны в понимании общего основания для сближения творчества художников: это их эпическое дарование, выразившееся, во-первых, как начало повествовательное, во-вторых, как интерес и симпатии к жизни миром, эпическому, патриархальному укладу.

Однако эпическое дарование Островского и Гончарова формировалось в результате очевидного и неизменного их интереса к народно-поэтическому сознанию и формам его выражения. Без такого интереса, воплощенного в драме, невозможен «эпический театр» Островского [См.: 16, 150–174], без этого также невозможен в гончаровском романе тот «мифологический реализм», о котором пишет Ю.М. Лощиц [9, 179].

Говоря об Островском, Гончаров постоянно подчеркивал глубоко национальный облик его творчества, он преклонялся перед поэтическим талантом драматурга, особо отмечая язык его пьес, и в то же время говорил об Островском как об «историческом» писателе. «Исторический» же

писатель, в понимании Гончарова, это «писатель нравов и быта» [2, 158]. В пьесах драматурга Гончарова интересует не их историческая достоверность, но поэтическая картина прошлого, созданная в «Снегурочке» и «Воеводе», которые писатель высоко оценил. История, отражённая в народном предании, в народном поэтическом её осмыслении, в «великорусской физиономии», именно такая история, вошедшая в произведения Островского, особенно близка и дорога Гончарову.

И сам Гончаров в постижении истории идёт тем же путём. Он не случайно называет свой роман «Обломов» «большой сказкой» [2, 244]. В «Сне Обломова», созданном, говоря словами писателя, на основе «народного предания», появляется живая и поэтически достоверная картина прошлого России. На той же основе создан идиллический образ русской деревни в «Обыкновенной истории» и образ «земного рая», Малиновки, в «Обрыве». Всё сказанное позволяет сделать вывод об определённой близости исторической мысли Островского и Гончарова, а также принципов постижения ими фольклора. В этом смысле в один ряд с ними можно поставить Л.А. Мея и А.К. Толстого.

О родственности поэтического мышления художников свидетельствует и появление в их произведениях множества архетипических образов. Это образы птицы, змеи, камня, омута, огня, света, тьмы, солнца, связывающие все романы Гончарова в трилогию, а пьесы Островского – в единый цикл. Обращение писателей к славянской поэтической традиции делает их произведения глубоко национальными, эсте-

© Н.Л. Ермолаева, 2014

тически привлекательными, гармоничными. Интересно в этом смысле сравнить их творчество с творчеством с А. Ф. Писемского, который не придавал значения подобного рода образам, хотя и был, без сомнения, глубоко приобщён к народной культуре. Это стало одной из причин того, что его проза и драматургия в эстетическом отношении менее привлекательны, чем пьесы Островского и романы Гончарова.

Приобщение к формам народного мышления, их органичное освоение помогло Гончарову и Островскому не просто использовать характерные для народной культуры архетипы, но и самим стать создателями литературных архетипов. Выросшие на материале современной русской жизни образы гончаровского Обломова и самодуров Островского оказались мифологизированы и, по словам А. И. Журавлёвой, заняли достойное место на «русском мифологическом Олимпе» [3, 39-40].

Об эпической природе дарования Гончарова и Островского, об их стремлении к объективности свидетельствует обращение обоих к юмору (именно к юмору, но не сатире!), позволяющему продемонстрировать авторскую отстранённость от героя, его нелицеприятную оценку. Юмор как особое свойство дарований художников отличает их от многих современников и объективно сближает друг с другом. В «Необыкновенной истории» Гончаров писал о том, что после Пушкина, Лермонтова и Гоголя никто из современников не отвечал его эстетическим требованиям: «Только юмор и объективность Островского, приближавшие его к Гоголю, удовлетворяли меня до значительной степени» [7, 217]. О себе Гончаров, как известно, говорил, что он умеет только «рисовать и шутить» [2, 205].

У Гончарова и Островского много общего в характере юмора. Они убеждены, что комические персонажи бывают «не только отрицательные, но и положительные» [15, 137], и используют юмор с целью «оправдания “чудака”» [13, 521]. На примере глубоко симпатичных драматургу образов Любима Торцова, Несчастливцева, Платона Зыбкина А.И. Журавлёва доказывает, что в творчестве Островского «смешное и высокое никак не противопоставляются» [4, 17]. Все главные герои романов Гончарова – Александр Адуев, Обломов, Райский – являются объектом вышучивания, но это не отменяет авторской симпатии к ним, а скорее оттеняет, усиливает её. Использование юмора в качестве средства возвышения образов создаёт в произведениях писателей атмосферу любования героями, присутствия спокойного, созерцательного, мудрого авторского взгляда на мир. В юморе Гончарова и Островского выразилась оптимистическая, уравновешенная по-

зиция гармоничного приятия мира, стремление к созданию объёмного и многоцветного его образа, то есть в полной мере раскрылся эпический потенциал юмора.

О родственности эстетических позиций Островского и Гончарова свидетельствует и тот факт, что в русском литературном процессе середины XIX в. писатели занимают особое место. Оказавшись в ситуации, когда вся русская литература пошла за Н.В. Гоголем и повернула с пути А.С. Пушкина на путь Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, они меньше других стремятся к созданию идеологизированных произведений, а свои философские, религиозные убеждения выражают в форме нравственных и психологических законов, властных над всеми их героями. Обличительный пафос в произведениях писателей не приобретает гипертрофированную форму, в этом смысле им никогда не изменит чувство меры, благодаря чему их творчество в большей степени, чем творчество многих современников, несёт в себе память о пушкинской гармонии.

Для Островского и Гончарова характерно стремление отразить в произведении не замутнённый никакими современными теориями, отклонениями в сторону религии, идеологии, философии, нравственный взгляд на мир, не утратить ту чистоту нравственного чувства, которая только и обеспечивает прочный, вневременной успех произведения, создаёт ощущение его истинности, ненадуманности. Автор в произведениях обоих художников привлекает читателя своей эпически спокойной, внутренне гармоничной позицией активного добра. Читатель радостно доверяется его объективности и оптимизму, так необходимым для излечения его собственных, читательских, душевных ран.

Интересно в связи с этим вспомнить о том, какое большое значение Гончаров придавал любви художника к своим героям. Писатель был убеждён, что без такой любви не может явиться полноценный художественный образ, без неё художник превращается в копииста. Гончаров считал, что всё лучшее, что вышло из-под его собственного пера, писалось любовью, кровью сердца. Такую любовь он видел в творчестве Пушкина. То же чувство ему откроется и в пьесах Островского. В статье «Лучше поздно, чем никогда», в своей незаконченной работе о драматурге Гончаров говорит о том, что только благодаря глубокой любви Островского «к каждому камню Москвы, к каждому горбтому переулку, к каждому москвичу, шевелящемуся в своей куче сора и хлама», «в его бесконечных галереях и является вся Великая Россия “воочию” ... она писалась фантазией, юмором и любовью ...» [2, 143].

Гармоничный, объективный, оптимисти-

ческий взгляд на мир Гончарова и Островского проявляется в их удивительно милосердном отношении к героям. Проведённое нами исследование значений слова «судьба» в творчестве писателей позволяет утверждать, что эти значения колеблются между «счастьем» и «несчастьем», но не между «жизнью» и «смертью», как у многих их современников³. Смерть человека – это не их тема. Интересно, что даже в тех пьесах Островского, в которых героини погибают («Гроза», «Бесприданница»), финалы катарсичны, а в романе «Обломов» смерть героя воспринимается во многом как логическое следствие его собственного нежелания жить.

Гончаров чувствовал глубокую родственность себе оптимизма Островского, основанного на любви к добру. Общим основанием для оптимизма писателей является их симпатия к «эстетической этике» [11, 33-42]. Оба они в своих произведениях выступали как защитники «естественной нравственности», оба верили в эстетическую привлекательность нравственности, не противопоставляя добро и красоту. Оба не признавали порабощения чувственной природы человека его нравственным или рациональным сознанием. В «самопожертвовании» Гончаров видел «глубокий эгоизм»: оно «есть сладострастие души или воображения, следовательно, неправда», – пишет он в письме Льховскому от 5/17 ноября 1858 года [2, 252]. К этой теме Гончаров не раз возвращался в письмах к Софье Никитенко, упрекавшей его в уклонении от долга и тяготении к наслаждению и лени. В письме от 23 июня/4 июля 1860 года из Мариенбада сёстрам Никитенко он пишет: «Я жадно прочёл Jane Eyre: взгляните-ка, Софья Александровна, как там разъясняется, в чём долг состоит. Как ни подзывал пастор Джанну в Африку, как ни убеждал, что она создана для этой жертвы, однако она нашла, что долг её – любя – остаться у Рочестера, слепого, больного» [2, 295] (Курсив авторский. – Н. Е.). Гончаров призывал «согласить и примирить» долг и наслаждение, был против аскетизма и максималистских требований к человеку, ему всегда была близка позиция здравого смысла [10, 209]. И в этом он близок Островскому.

Островский собственную этическую позицию высказал в словах Ераста из пьесы «Сердце не камень». Обращаясь к Вере Филипповне, герой говорит: «Вы теперь всех людей любите и добрые дела постоянно делаете, только одно у вас это занятие и есть, а себя любить не позволяете; но пройдёт год или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смею сказать, что она вам надоест, а только зачерствеет, и все ваши добрые дела будут вроде как обязанность или служба какая, а уж душевного ничего не будет. Вся эта ваша

душевность иссякнет, а наместо того даже раздражительность после в вас окажется...» [12, 150]. По воспоминаниям Л. Новского, драматург отказывал Тургеневу в умении рисовать женские типы. Самоотвержение Лизы Калитиной, по мнению драматурга, противоречит жизненной правде. Автор воспоминаний приводит суждение Островского о Тургеневе: «Он мало знал и потому идеализировал русскую женщину. «Дворянское гнездо», например, очень хорошая вещь, но Лиза для меня невыносима...» [1, 297-298]. Героини самого драматурга не идеальны, но всегда нравственно и эстетически привлекательны, потому и тянутся к ним герои-мужчины, в нравственном отношении значительно уступающие им, но надеющиеся на духовное обновление рядом с ними: Беневоленский («Бедная невеста»), Андрей Брусков («В чужом пиру похмелье»), Миловидов («На бойком месте»), Гаврила («Горячее сердце»), Кочуев («Не от мира сего»).

Во многом родственным оказывается и характер религиозного чувства Гончарова и Островского. Им свойственна живая и глубокая религиозность, основанная на желании гармонизировать окружающую действительность, смягчить сердца людей, во всяких конфликтных ситуациях утвердить в качестве способа их разрешения живое нравственное чувство героев. Гончаров не случайно тяготел к «закруглённому», духовно полноценному, нравственно устойчивому образу, который мог явиться только из глубоко гуманного чувства меры в душе самого автора. То же чувство руководило Островским, «компромиссные» финалы пьес которого звали к прощению и уравниванию любой, самой сложной и конфликтной жизненной ситуации.

Исследователи, писавшие о религиозности Гончарова и Островского, однозначно противопоставляют того и другого Достоевскому и Толстому и утверждают, что «в отличие от них Гончаров абсолютно не оригинален в своих размышлениях о “конечном идеале” человечества и довольствуется... традиционными представлениями о “евангельских заповедях”» [10, 210], а для Островского «религиозность и система христианских ценностей были естественны, как нормальное дыхание», «мир Островского – привычный для его современников мир “благоустроенного христианства”» [6; 120, 119]. Идеалы обоих художников вырастают из самой действительности. В.И. Мельник настаивает на «принципиальной “неортодоксальности”» религиозности Гончарова [10, 211], А.И. Журавлёва – на «новозаветной», основанной на «признании Благодати как творчески преобразующей энергии» [6, 125] религиозности Островского.

По причине особенностей этической и эстетической позиции писателей их художественные искания оказываются как бы на периферии литературной жизни бурных «шестидесятых годов». В отличие от тех современников, для которых актуальной оказалась проблема «народ и дворянство» (Тургенев, Толстой, Достоевский), ни Гончаров, ни Островский не проявят к ней активного интереса, оба откажутся от изображения народа. Островский в середине пятидесятых годов не ответил на призыв Писемского обратиться к изображению мужика [14, 106]. Гончаров в 1887 году писал Л.Н. Толстому о том, что крестьянства никогда не знал, а потому не изображал его в своих произведениях [2, 481]. Крестьянство для обоих писателей существует в качестве носителя особого миропонимания, однако это миропонимание, в отличие от И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого или Н.А. Некрасова, Гончарову и Островскому малопонятно и, может быть, малоинтересно. Писателей больше волнует не отношение дворянина к народу, как это было у большинства их современников, а нравственный облик дворянина, его личностные потенции в новой исторической ситуации. Портрет дворянина на фоне делового века – вот проблема всех романов Гончарова и множества пьес Островского, особенно пореформенного периода.

При отсутствии интереса к крестьянству в творчестве Гончарова и Островского проблемы социальные чаще всего существуют как бы в снятом, невыявленном виде. Писатели не показывают своих героев втянутыми в социальное противостояние с представителями других сословий, в социальный конфликт. В произведениях Гончарова и Островского на первом плане оказываются не социальные, а культурные различия между героями, обоих художников волновала проблема культуры человеческой личности. Различия в культурных привязанностях барина и слуги Гончаровым почти всегда осмыслены как непреодолимая преграда, существующая между представителями разных сословий. Несоответствие в уровне культуры между героями становится источником драматизма в пьесах Островского, на таком несоответствии драматургом построено множество комических ситуаций, но всё же главным для него остаётся нравственное равенство героев, которое часто отменяет неравенство сословное и культурное.

Исследование культурного статуса и культурных потенций героя для Гончарова и Островского оказалось возможно благодаря обращению к быту. В нашем литературоведении стало традицией называть обоих художников бытописателями. Факты материально-бытовой культуры,

выпадавшие из поля зрения их предшественников и некоторых современников, становятся для Гончарова и Островского одним из важных источников художественной образности, постижение бытовой культуры как образованной части общества, так и народа, стало обязательной составляющей аналитического изображения действительности в их произведениях.

Соединение душевного комфорта с комфортом материальным – так можно было бы определить идеал мироустройства в представлении Гончарова и Островского. Их герои не стремятся к овладению богатством, деньги – не их цель. Но при этом и не считают, что с милым рай и в шалаше. Как русские люди они удовлетворяются достатком, добытым собственным трудом. Для обоих писателей труд – это прежде всего залог сохранения нравственного облика человека, благополучия и устойчивости в жизни семьи и общества. Идеал «честного труженика», который дорог обоим писателям, примирит их с героем нового времени, «деловым человеком»: у Гончарова это идеализированные образы Штольца и Тушина, а у Островского – образы не идеальных, но нравственных героев – Флора Федулыча Прибыткова («Последняя жертва»), Саввы Геннадича Василькова («Бешеные деньги»), Евдокима Егорыча Стырова («Невольницы») и др.

Близки и писательские судьбы Гончарова и Островского: начиная с конца 1860-х годов критика оказалась недоброжелательно настроена в отношении к их творчеству. Упрёки, по сути, одни и те же: исписался, не соответствует требованиям времени, растерял художественное дарование, пишет лишь для определённого круга читателей. Однако при этом оба художника прекрасно чувствовали требования своего времени и отвечали им в идейном и в художественном отношении, каждый по-своему – пролагали новые пути для русской прозы и драматургии, пути к Чехову, к литературе XX века.

Заключая, скажу лишь о том, что тема «Островский и Гончаров» обширна и интересна. Обращение к ней позволяет открыть новые стороны дарования писателей, по-новому увидеть литературный процесс второй половины XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-04-00113а.
2. На Щелыковских чтениях 2004 года М.В. Отрадин выступил с докладом «Гончаров и Островский».
3. См. об этом мою статью: Ермолаева Н.Л. Слово «судьба» в творчестве русских писателей середины XIX века // Личность. Культура. Общество: Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т. XI. Вып. 1. №№ 46-47. М., 2009. С. 365-371.

ЛИТЕРАТУРА:

4. А.Н. Островский в воспоминаниях современников. – М., 1966.
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений. В 8 т. / Гончаров И.А. – Т. 8. – М., 1980.
6. Журавлёва А.И. Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры / А.И. Журавлёва // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. – № 6. – С. 39-40.
7. Журавлёва А.И. «Правда – хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1996. – № 3.
8. Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века / А.И. Журавлёва. – М., 1988. Р-л «Становление жанра драмы и русская повествовательная проза».
9. Журавлёва А.И. Церковь и христианские ценности в художественном мире А.Н. Островского / А.И. Журавлёва // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997.
10. И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования

(Литературное наследство. Т. 102). М., 2000.

11. Криволапов В.Н. «Типы» и «Идеалы» Ивана Гончарова / В.Н. Криволапов. – Курск, 2001.
12. Лощиц Ю.М. Гончаров / Ю.М. Лощиц. – М., 1986.
13. Мельник В.И. О религиозности И.А.Гончарова / В.И. Мельник // Русская литература. – 1995. – № 1.
14. Мельник В.И. Этический идеал И.А.Гончарова / В.И. Мельник. – Киев, 1991.
15. Островский А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. / Островский А.Н. – Т. 8. – М., 1960.
16. Пинский Л.Е. Юмор / Л.Е. Пинский // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
17. Писемский А.Ф. Письма / А.Ф. Писемский. – М.; Л., 1936.
18. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В.Я. Пропп. – М., 1999.
19. Скатов Н.Н. Создатель народного театра / // Скатов Н.Н. Далёкое и близкое: Литературно-критические очерки. – М., 1981.

Н.Л. Ермолаева

доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологи Ивановского государственного университета

E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

N. L. Ermolaeva

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Philology and Cultural Studies, Ivanovo State University
E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru